

0001
01N001
01N001

Фотограф Валерий ПЛОТНИКОВ

— Сергей Юрьевич, — спросил я, когда, выйдя из моря, мы растянулись под жарким солнцем на чистейшем песке Куршской косы. — А все-таки почему вы здесь, на кинофестивале, на «Янтарной пантере»? Любите фестивальные тусовки? Или — отдыхать у моря?

— Тусовки не люблю, а море нравится. Я приехал смотреть кино и купаться. А за это — быть председателем жюри.

— Но большинство картин, что здесь покажут, вы наверняка уже видели!

— Ни одной! Несколько лет я не видел ни одной картины. В Дом кино — не хожу, некогда. В кинотеатр — даже в голову не приходит. Остается то, что предлагается телевидением, что видишь отчасти, изредка, в отрывках. Так что я кино совсем не знаю. Я и приехал немножко познакомиться с ним.

— После успеха «Чернова» мы ждали следующих ваших картин. А их до сих пор нет. Почему?

— Я написал сценарий по своей повести «Записки официантки» — такая любовная история времен застоя. Должен был снимать картину в объединении Меньшова. И мы даже выбрали натуру. Но — это была Эстония, сразу возникли проблемы, и я просто почувствовал, что нужны железные руки и очень крепкие вожди... Свиристель нужна для того чтобы сейчас делать кино! Или полное равнодушие. Ни того ни другого у меня нет, и я отказался от этой идеи.

всего этого... С «Черновым» — картиной, пришедшей на самое несчастное для кинематографа время, 90-й год, когда с прокатом, рынком началась полная катастрофа, — я ездил в Карловы Вары. Андрей Смирнов, игравший главного героя, получил приз за лучшую мужскую роль, соревнуясь с очень мощными конкурентами. И это — на весьма антисоветском по своему настрою, антирусском даже фестивале! — такое было тогда время... Но пресса, насколько я помню, даже не написала об этом.

— Чьего-либо замысла вы в этом, надеюсь, не видите?

— Ну какой злой умысел в море, которое сейчас малую дает волну, потом большую, сейчас ласкает, потом ударит?.. Но право на то, чтобы даже на море сердиться за плохую погоду или грязь, которую оно выбрасывает, остается у человека! Он может молчать, может просто пойти помыться, а может и сказать: ну будь ты проклята, что за погода!

— Для работы в театре сегодня не требуются те качества, что вы упомянули, — свирепость или полное равнодушие?

— В театре, наверное, нет — это все-таки другое. Замкнутое пространство. В театре как-то что-то получается...

— Сергей Юрьевич, спустя 2–3 года вы уже, наверное, можете сформулировать: в чем была причина достаточно резкого вашего расхождения с критикой в связи с «Артелью Артистов» и спектаклем «Игроки»? Все соглашались: да, благородная задача — собрать вместе Евстигнеева, Невинного, Калягина, Хазанова, Тенякову, — а тем не менее результат восторга не вызвал...

— Во-первых, далеко не все понимали и далеко не все до сих пор поняли, что это была за затея. На тот период у нас была всего одна задача — сохранить зрителя. И собрать людей, которые давно друг с другом рядом не играли и захотели бы — не на коммерческих условиях — просто друг друга позвать по «гамбургскому счету»: кто что умеет. Рядом друг с другом.

— Не на коммерческих условиях?

— Абсолютно! Это не коммерческий был вариант. Все, что дали спонсоры, ушло на декорации, аренду, прочее... А оплата была очень скромная — это не заработки даже. Вы, очевидно, тоже полагали; а, теперь новые времена — значит, коммерческая основа! Все наоборот! Артисты отказались от возможности зарабатывать громадные деньги, положенные им по их статусу и таланту, во имя того, чтобы соединиться. Именно поэтому спектакль был, на мой взгляд, очень ценен — это был спектакль «неуехавших артистов», ведь в то время все бежало из страны.

— Не так уж и много бежало...

— Очень много. Я был сейчас в Америке — и ахнул, когда встретил такое количество знакомых артистов... Из Ленинграда — Персик, Алла Кигель, Женя Альпер. Увидел Эстрина, Елекову, Даню Каплан, Гарика Лисициана, Зорика Аврутина. Назову еще Соловей, назову Сметова, который не эмигрировал, но почти все время там. Сергей Ковкин — почти все время там...

— И все-таки, Сергей Юрьевич, извините, но звезда первой величины среди них — не так много.

— Так вот, чтобы они не уехали — мы тогда и решили их собрать. А что касается критики — я даже и не понял толком, что произошло. Наверное, главной причиной был вообще остро отрицательный настрой критики. Вся компания в «Игроках» собралась известная,

а борьба с авторитетами на тот период была основной стезей жизни критики. Лишь сейчас, по-моему, что-то меняется.

— Но все-таки можно сказать, что вы тогда попытались предложить новую модель театра?

— Попытались, и ее очень развили. Но развили уже другие люди, и уже на коммерческой основе. Я же как антрепренер — не гожусь, я не интересуюсь этим.

— Тем не менее продолжаете экспериментировать в своем, замкнутом, камерном театральном пространстве?

— Продолжаю, и пространство это становится еще более узким, потому что ту труппу, которая была в «Игроках», сохранить невозможно. В последней нашей премьере — «Стульях» Эжена Ионеско — заняты только Наталья Тенякова и я.

— Создаете «семейный театр», подобно супругам Круглым? Может, и дочка скоро присоединится?

— Очень может быть, поскольку Дарья уже профессиональная актриса, работает во МХАТе. Я бы очень хотел что-нибудь такое поставить... Кстати, то, что привозили нам из Парижа Круглые, мне понравилось. Но нужна соответствующая пьеса, которую не так просто найти, для меня это всегда проблема. И потому, я никогда не работал просто от спектакля к спектаклю — один кончил, следующий начал. Все-таки надо выдохнуть — и снова набрать новое дыхание.

— Сергей Юрьевич, а почему после Гоголя — Ионеско?

— Для меня он один из очень важных авторов. Я этот год целиком посвятил Ионеско — помимо «Стульев», мы возобновили спектакль «Король умирает» на французском языке, где тоже заняты актеры из разных театров.

Я не буду сейчас говорить о достоинствах Ионеско, тем более, он в этом году умер, — и говорилась, писалось о нем много. Я только скажу, что для меня его театр абсурда — это сгущенная логика, сгущенная откровенность... Абсурд — как прием, как инструмент, который может сгустить юмор! Чтоб смеялись! Этого очень трудно достичь при постановке Ионеско. Сгущенная лирика чеховского направления, но — современное, гуще, концентрат больше! А он последователь Чехова, несомненно, я много им занимался и переводил его. Поэтому знаю. И конечно, Ионеско еще и — сгущенный ужас. Все — сгустки! Но для меня главным еще была борьба с расхожим представлением о том, что это «кразудная бессмыслица». Никакой бессмыслицы я там не вижу! Моя цель была — через инструмент абсурда проникнуть в человеческое сознание, причем, не исключительное какое-нибудь, а абсолютное демократическое, сознание обычного человека.

Оба спектакля адресованы нормальному, широкому зрителю. Пока мы его имеем. Мы играли на французском в Твери и Краснодаре, участвовали в Международном фестивале Ионеско в Кишиневе, где я получил приз за лучшую мужскую роль. О чем, кстати, тоже нигде не упоминалось, и вы, наверное, первый человек, который об этом узнает. И последний.

— И все-таки со зрителями не было проблем?

— Никаких абсолютно! И в провинции, и в Соединенных Штатах, где я дал 15 выступлений в разных городах и увидел изумительную, подготовленную, совершенно не ностальгирующую, а нормальную

современную аудиторию. Русскую. На литературный концерт собирались тысячные залы — так, как когда-то было у нас.

— Вам не грустно от того, что столько зрителей перебралось туда?

— Я считаю: было бы что сказать — а кому услышать, всегда есть.

— Уверен, что многим из молодого театрального поколения есть что сказать. Но захотят ли их услышать? Ведь в цене, как и раньше, звездные имена прежде всего...

— Правильно. Хотя борьба с именами была произведена, однако выиграли имена!.. Но, может быть, как раз в этой ситуации и возникнет рывок в качестве! Понадобятся такого качества идеи или спектакли, которые уже преодолеют проблему имен. И вместе с тем, может быть, начнется развитие того, что для меня единственно ценно в театре, — чуда профессии актера, то есть чуда диалога. Я стремлюсь только к этому. И полагаю, что музыка диалога, когда она получается, дает единственно возможное в драматическом искусстве проникновение в себя, анализ человека. Диалог — это то, что сейчас, в общем, подавлено, хоть и не до конца... Я смотрю в театре не так много, но могу назвать, что мне понравилось, из последнего. Мой молодой коллега Саша Яцко, которого вы видели в «Игроках», поставил «Генриха IV» Шекспира — он развил ту же, нашу форму, и это оказалось очень интересно. Правда, там много чисто «внешней» выдумки, но при всем том она очень органична, и взаимоотношения, диалог составляют основу спектакля. Эта компания, которую он назвал «Русский глобус», играет на сцене Театра Моссовета, и там не слишком много громких имен. Мне понравился спектакль Козака «Баня», хотя это направление эстетское, но очень мной любимое, — не там замечательная актерская разработка, и опять та же система... Собрал из разных театров тех актеров, кто наилучшим образом может исполнить эти роли.

— Сергей Юрьевич! Вам — как человеку постоянно одержимому и собственными проектами, наверное, приходится подобно другим вашим коллегам общаться с так называемыми «новыми русскими», банкирами, бизнесменами. Много ли сил и здоровья на это уходит?

— Знаете, а среди них есть люди очень интересные. Им крайне трудно себя проявить, потому что наличие денег — серьезный барьер, как наличие, скажем, партийной должности в наши прошлые времена. И жизнь их по-своему трагична. Обращения с моей стороны к ним были. И каждый раз — не приносили результата. Видимо, не умею я это делать. Но — стоило мне только обратиться к одному и получить вежливое расплывчатое «нет», как приходил совершенно другой человек и, не задумываясь, говорил: «Пожалуйста». Я убедился, что идея, имея сейчас очень дорого стоят. Впрочем, лояльность стоит еще дороже, потому что и без идеи и без имени люди получают тоже громадную пользу...

Однако уверен: если бы даже я затеял историческую картину, о которой вначале упомянул, то нужную, гигантскую сумму я бы нашел. Обязательно получил бы дватри отказа, и тут же пришли бы другие люди и сказали: да, это нужно сделать!

— А это нормально, Сергей Юрьевич, — ходить, получать отказы?

— Не знаю. Жизнь меня убере-

ла от унижений. Я умудрился и в прежние времена не унижаться, проса чего-нибудь. Может, я мало от этого получил — но не унижался. И сейчас мне не пришлось поступиться чем-нибудь из своих привычек даже, я уж не говорю о большем, за то, что мне помогали. А потом — я никогда слишком много не запрашивал!

Вот я сейчас познакомился с одним человеком, который произвел на меня — не могу не сказать — очень сильное впечатление. Это наш продюсер и знаменитый актер Сергей Жигунов. В его продюсерской затее — «Королева Марго» — я принимаю участие. Вот тут я увидел действительно человека нового. Потому что, впрочем, миллиардами, которые он должен и собрать, и иметь, и истратить, и снова заработать, он сохраняет естественность, легкость, всякое отсутствие бронированности. Вот он мне показался человеком совсем неведомого мне и очень интересного типа.

— А представить себя на его месте могли бы?

— Нет! Но в компании с ним вполне. Сейчас я просто снимаюсь у него — и все, а потом, возможно, предложу такому человеку свою идею и скажу: может, возьмемся соединить усилия с двух совершенно разных концов?

— Сергей Юрьевич, в театре вы занялись исключительно малыми формами. Не оттого ли, что большие, многонаселенные, государственные театры, давно, как правило, творчески исчерпавшие себя, обречены медленно умирать? И иснать там особенно нечего?

— Большим театрам трудно. Однако они сохраняются, они живут. Скажем, Театр Моссовета, в котором я работаю, — живет, МХАТ — живет, гастролирует. Не будем оценки давать, но — выходят спектакли, живет труппа. В России есть зритель для театра, а это значит, что обязательно будут ставить и играть и смотреть большие спектакли.

Я, например, сейчас буду играть у Павла Хомского в спектакле — впервые мы с нашим художником встретимся в работе, впервые за все мое пребывание в Театре Моссовета.

— Ни разу за 16 лет вы не работали вместе?

— Ни разу. Сейчас он предложил затея гигантская, но мне даже интересно, потому что это многолюдный спектакль — «Ангел приходит в Вавилон» Фридриха Дюрренматта. Весьма своеобразная, странная пьеса, архитектурно очень нестройная. Но все-таки — Дюрренматт, и вот такой — «широкий» театр. Я бы не взялся сам режиссировать, Павел Иосифович берет. А вот сыграть — сыграем... Мне очень дорога идея «семейного театра», о которой мы с вами говорили, но я бы не хотел сводить ее лишь к «кровным принципам», а хотел бы вспомнить принцип володинский — «С любимыми не расставайтесь». Не бегай по всему миру, оглядись, — у тебя вокруг потрясающие актеры. Ты с ними знаешь, ты их знаешь, найди только удобное, хоть сколько-нибудь приемлемое время, — а остальное они сделают сами, как-нибудь поднатужатся, придут... Не бросайся просто так золотыми слитками, которые есть!.. Искупнемся?

Беседовал
Максим МАКСИМОВ
Куршская коса —
Санкт-Петербург